

ПРЯТАТЬ ЛЮДЕЙ СВОИХ

О КНИГЕ АНАСТАСИИ АСТАФЬЕВОЙ «ДЛЯ ОСОБОГО СЛУЧАЯ»

ИВАН РОДИОНОВ

Поэт, критик. Родился в 1986 году г. Нотово Волгоградской области. Живет в Намышине. Автор книги «Счетчин. Путеводитель по литературе для продолжающих». Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина — 2020». Преподает русский язык и литературу.

АНАСТАСИЯ АСТАФЬЕВА, «ДЛЯ ОСОБОГО СЛУЧАЯ» (ВОЛОГДА: ИП НИСЕЛЕВ А. В., 2020)

В короткий список премии «Ясная Поляна» вошли семь книг. Пять из них («Саша, привет!» Дмитрия Данилова, «Парижские мальчики в сталинской Москве» Сергея Белякова, «Наждые сто лет» Анны Матвеевой, «Стрим» Ивана Шипнигова, «Типа я» Ислама Ханипаева) в читательско-критической среде известны хорошо. Их обсуждают, на них выходили и продолжают выходить рецензии: тот же роман «Саша, привет!» — настоящий чемпион этого года по откликам в медиа. Каждая из этих книг уже не единожды попадала в различные премиальные списки.

А вот имена двух других финалистов «Ясной Поляны» — Нанты Ибрагимовой («Маршал») и Анастасии Астафьевой («Для особого случая») — широкому читателю известны меньше. Про последнюю и поговорим.

Роман Сенчин лет пятнадцать назад своими текстами (ранняя малая проза, роман «Елтышевы») прочно отбил у других авторов охоту писать о русской деревне. Сенчинскую безысходность не перебезысходничать — а о чем еще применительно к глубинке рассказывать-то? Вот никто из самых известных современных русских авторов о деревне и не пишет.

Несмотря на все это, многие менее известные прозаики дерзают. В основном на уровне региональных писательских союзов. Такие книги появляются и исчезают непрочитанными: кто знает, может, мы потеряли так какой-то шедевр? К счастью, отдельным книгам удается прорвать границы своего региона и выйти на общероссийский уровень. В прошлом году в лонг-лист премии «Национальный бестселлер» попала — и вызвала множество горячих откликов у членов жюри — книга ярославской писательницы Татьяны Моисеевой «На краю». А в этом году короткий список

«Ясной Поляны» штурмует еще один сборник рассказов — «Для особого случая» вологжанки Анастасии Астафьевой. Кстати говоря, спецноминация премии «Чистая книга» имени Федора Абрамова в этом году Астафьевой уже покорилась.

Пишет Астафьева простым ясным языком, иногда отчего-то сбиваясь на накушшиеся стилизации просторечия в духе *не было сладу* или *конца-краю не видно*: возникает ощущение, будто в рассказчика вселяется один из его героев. Сюжетные коллизии книги тоже просты и при этом правдоподобны, исключая два-три мелодраматических «совпадения». Так, в одном из рассказов муж, давно оставивший загулявшую жену, случайно встречает ее, совершенно опустившуюся, в Москве, куда он выбрался из своего маленького городка на съемку телепрограммы.

Если упомянутая выше Моисеева с переменным успехом насыщала свои рассказы разной леонид-андреевской жутью, то Астафьева рисует читателю вроде бы неплохих людей, у которых по воле наного-то злого рона все валится в тартарары.

Чаще всего героя рассказа выбрасывает из едва терпимой, но привычной зоны (дис)комфорта в манящее неведомое — и его существование становится только хуже. Фабульную схему большинства рассказов сборника можно контурно очертить двумя цитатами из книги.

Цитата первая: «Родители Люси не были алкоголиками. Они даже проблемными людьми не были. Трудолюбивые, скромные, тихие до замкнутости».

Цитата вторая: «И такое это было счастье, такая невыносимая легкость, что она сразу после похорон слегла с гипертоническим кризом. Не справилась со своей свободой».

Героиня заглавного рассказа Галина, как выясняется, признана лучшей дояркой России — надо ехать в Москву. Но ей привычнее *дома* — с вечно пьяным мужем и под диктатом начальницы, бывшей одноклассницы-троечницы. Рассказ этот тематически почти гоголевский, только в роли шинели здесь выступает платье шоколадного цвета. Подобно Ананию Ананиевичу, Галина готова взмолиться: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь» — поездка в столицу и награда накушатся ей досадной неприятностью, и она рада, когда все наконец заканчивается.

Работающей Лизе изменяет муж, и ее разбивает инсульт. Или она все придумала и никакой измены не было вовсе («Измена»)?

У Павла Савельева — семь дочерей. Он хозяйственный, непьющий. Все время работает, а когда есть свободное время, как и герои Сенчина, собирает ягоду — «пасется на клюнве». Нончится все, разумеется, плохо («Иветта, Лизетта, Мюзетта»).

Люся с мужем, что называется, жили и не тужили. Однажды она становится свидетельницей жуткой катастрофы, и что-то внутри нее ломается. Люся спивается, и муж уходит от нее («Давай поженимся!»).

Давно бросивший дочерей отец (мать умерла, они росли у тетки) тяжело заболел, и теперь ему нужен постоянный уход — он превратился в «человека-овоща». Но что дочери могут ему предложить ему, кроме глухой боли и ненависти («Ненависть»)?

Герои Астафьевой — почти никогда не злодеи или сволочи (кроме, пожалуй, персонажей рассказов «До полного!» и «Живет моя отрада»). Тем не менее их жизни упрямо идут не туда, и счастья им не будет. Привычный ход вещей способно сломать что угодно: нежданный родственник, нечаянный гость, сколько-нибудь необыкновенное событие, даже хорошее.

Поверхностно-социальный смысл сборника считывается легко: деревня умирает, и даже достойным трудолюбивым людям в ней живется очень несладко.

Но если приглядеться, в рассказах Астафьевой можно считать и другой, экзистенциальный смысл. Ее герои почти не рефлексировать и будто прячут себя от читателя, не проговариваются. Мы не понимаем, что происходит у них на душе. А если кто-то чуть отщроется и повернется к читателю, то все какой-то глухотой, пустотой, изъязнением. Что у них внутри? А может, уже и нет ничего?

Ясно одно: эти люди абсолютно неадаптивны. И бытие их за пределами хрупко. Кажется, лучшее, что можно с ними сделать, — не нарушать их поноя. И автор будто прячет своих героев, защищает их — ему за них больно.

Страшные на самом деле выводы. Как и вопросы, которые ставит автор.

Астафьевы — они такие. Фамилия обязывает.

